

деральном Собрании России, но эффект этого института оказался меньше ожидаемого. Однако, пренебрегать возможностями, связанными с продолжением поисков в обозначенном направлении, не следует.

Для России, где макромотивация общественного развития весьма значительна, повышение доверия граждан по отношению к существующим институтам явилось бы весьма позитивным результатом трансформационных реформ. Важным в этой связи является и осознание ряда новых проблем подобного рода, в том числе и путём проведения специальных исследований процессов и издержек институциональной адаптации.

Рассматривая различные способы воздействия на указанную сферу, как представляется

необходимо отдать предпочтение тем из них, которые приняты в экономической практике. А именно, сфера услуг институциональной адаптации при её легимитизированной коммерциализации не только способна обеспечить соответствующие потребности, но и сделать явными и оцениваемыми соответствующие затраты. Последнее включает данную отрасль в традиционную экономическую среду со всеми её механизмами регулирования и саморегулирования, что избавляет от необходимости разрабатывать всевозможные специальные, часто довольно экзотические приёмы воздействия на подобные процессы.

Статья поступила в редакцию 16.01.2007

В.Г. ЯРЕМЕНКО, к.э.н., доцент,
Институт экономики и прогнозирования НАН Украины,
О.Л. ЯРЕМЕНКО, д.э.н., профессор,
Национальный банк Украины

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В начале 21 века достаточно неожиданно снова актуализировался вопрос об историческом месте государственного социализма. Реакцией на хаотизацию глобальной социальной динамики выступает рефлекторная тенденция к примитивизации институциональной структуры, когда социум использует первые попавшиеся под руку инструменты контроля и ограничения, чтобы установить хоть какой-то порядок. Глобальный информационный контроль над всем и вся постепенно приобретает всеобщий (тотальный) характер. Следующим логическим шагом может стать переход от тотального контроля к тоталитарному. Таким образом, под воздействием современных институциональных, технологических и геополитических тенденций происходит глобальное перераспределение некоторых существенных черт государственного социализма на постиндустриальные государства.

В научной литературе существует трактовка социализма как закономерного варианта институционального устройства индустриального общества [См.: 2, 7, 8, 9]. Согласно такой трактовке институциональная система государственного социализма может быть представлена как особая форма реализации некоторых общих тенденций индустриального развития государств. Как отмечает Е. Турунцев, «социализм и капитализм представляют собой лишь

различающиеся по своей эффективности формы, в которых протекает многоплановый процесс социально-исторической модернизации в направлении перехода от аграрного общества к индустриальному и далее к той стадии, которая может быть охарактеризована как информационное, постиндустриальное общество.»[8, с.91].

В то же время нельзя забывать, что эта государственно-монополистическая система советского типа явилась попыткой реализации на практике определенной идеологической конструкции, а именно, ленинского учения о социализме. Как уже не раз отмечалось в научной литературе, именно марксизм добился значительных успехов в формировании и развитии школы институционального анализа в экономической науке. В известной степени это может быть отнесено и к ленинизму как особому национально-историческому варианту марксизма.

При всей своей ограниченности именно ленинское учение о социализме оказалось успешно реализованным в СССР. Нацеленность на историческое движение, на переходы и катастрофы в обществе объективно делала ленинское учение преимущественно институциональным, в большей степени описывающим институты и их динамику, чем функциониру-

© В.Г. Яременко, О.Л. Яременко, 2007

вание хозяйственной системы. Не случайно то огромное внимание, которое уделял В.И.Ленин работам Р. Гильфердинга, Д.Гоббса, Г. Шульце-Геверница и других ученых, описывавших индустриальное общество начала двадцатого века с институциональных позиций. Для ленинизма были характерны, с одной стороны, обостренное и пристрастное внимание к динамике общественной жизни, глубокое понимание ее предпосылок и механизмов, с другой стороны - абсолютизация принципа партийности в науке, понимаемого к тому же предельно упрощенно ("лакейство, поповщина" и др.), жесткое отстаивание в научных работах определенной политической линии.

В центре внимания В.И.Ленина в 10-20-е годы была Германия. Основываясь на тенденциях огосударствления всех сторон хозяйственной жизни Германии, Ленин делал вывод, что современное капиталистическое общество вполне созрело для перехода к социализму. Государство позволяет направлять всю хозяйственную жизнь народа из одного центрального учреждения. Если в Германии это делается в интересах финансовых магнатов, то это же самое в интересах большинства населения могут сделать неимущие массы, если их борьбой будут руководить сознательные рабочие [4,с.279].

В «Докладе о текущем моменте 24 апреля» В.И.Ленин отмечал: "...война ускорила развитие капитализма, и оно шло вперед от капитализма к империализму, от монополии к огосударствлению. Это все придвинуло социалистическую революцию и создало объективные условия для нее" [4,с.280]. Ленин считал Германию образцом самого аккуратного, самого педантичного, самого строгого регулирования потребления [4, с.280]. "Социализм есть не что иное, как государственно-монополистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией" [5,с.179].

Анализ монополии как института дал возможность Ленину сделать вывод об абсолютных преимуществах монополистической формы организации капиталистического производства по сравнению с предшествующими, конкурентными, заключающихся в "установление полнейшей, строжайшей и подробнейшей отчетности, а главное соединение операций по закупке сырья, по сбыту изделий, по сбережению народных сил и средств. Это сбережение при объединении разрозненных предприятий в один синдикат достигает размеров, как учит экономическая наука, как показывают примеры всех синдикатов, картелей, трестов" [5,с.192].

Социализм, который рождается из государственно-монополистического капитализма как его естественное продолжение, как следующая ступенька исторической лестницы, не может не быть государственно-монополистическим. И В.И.Ленин хорошо это понимал. Выдвижение на первый план проблемы учета и контроля как важнейшей сущностной характеристики социализма на многие годы вперед предопределило характер экономической активности социалистического государства: неуклонное повышение степени управляемости социалистической экономики, всепроникающий государственный контроль за всем и вся, целенаправленное вытеснение любых проявлений стихийности из хозяйственной жизни. Не случайно В.И.Ленин в одной из своих работ определил наступающую эпоху как "эпоху советских государственных учреждений пролетариата" [6, с.220].

Идея разумной государственной организации всех сторон жизни общества, включая и частную жизнь, насчитывает не одно тысячелетие. Мысль о том, что иррациональность, своекорыстный индивидуализм, порочность человеческой природы могут быть обузданы только путем перманентного контроля, регламентации и управления со стороны рационально построенного государства, высказывалась в различной форме Ксенофонтом, Платоном, Томасом Мором, Кампанеллой и другими идеологами и государственными деятелями прошлого. Отчасти в этой идее берут свое начало и корни социалистической традиции (которая может быть представлена как рациональный коллективизм и этатизм), развивающейся в рамках человеческой цивилизации на протяжении многих сотен лет.

Относительно успешный опыт разрешения государством как институтом некоторых фундаментальных противоречий общественной жизни не мог не породить при определенных условиях иллюзии об универсальных возможностях такого способа регулирования социума. Согласно марксистской доктрине, пока не будет исполнен категорический императив коммунистической идеологии о формировании нового человека, чей внутренний мир исчерпывающе описывается "моральным кодексом строителя коммунизма", государство (разумеется, новое, неантагонистическое) неизбежно будет выступать как самая глубокая основа и одновременно универсальная форма человеческой социальности.

Роль этой социалистической традиции в разные исторические эпохи была различной. Наибольшее влияние она приобретает в крити-

ческих точках развития, когда социум вынужден прибегать к последним аргументам, имеющимися у него в запасе. Это очень хорошо почувствовал В.И. Ленин, когда связал учение о возможности победы социализма в одной стране с крайним обострением противоречий и приближением национальной катастрофы. Огосударствление всех общественных ресурсов и возможностей – это единственный способ более или менее согласованного реагирования общества на угрозу своему существованию.

Огосударствление и насаждаемый государством коллективизм, прямое отрицание основ частной жизни встречаются в истории всякий раз, когда общество встречается с безвыходным кризисом или катастрофой. Например, Л.Истягин ставит вопрос “об обусловленности чрезвычайными обстоятельствами потребностях в особых, мобилизационных системах управления обществом, неизбежно ведущих к какому-то (желательно, к минимальному и наименее длительному) ограничению демократии” [2, с.98]. По его мнению, злоупотребление такими механизмами может порождать тоталитаризм, но из этого не следует, что эти варианты вообще должны быть исключены из рассмотрения в кризисных ситуациях.

Такая форма организации социума дает шанс выживания, но ценой этого является резкое сокращение вариантного поля и, соответственно, творческого потенциала эволюции. Так называемый “азиатский способ производства” показывает, что в законсервированном состоянии такие социальные системы способны сохраняться достаточно долго, иногда целые исторические эпохи.

Известный российский математик и публицист И.Р.Шафаревич выделяет два исторических типа того общества, которое он называет социализмом: социализм государств Древнего Востока и социализм нашего времени. В работе “Социализм как явление мировой истории” социалистическую тенденцию Шафаревич относит к числу “вечных спутников человечества”, усматривая в ней определенный элемент генетической программы цивилизации как таковой [9, с.14]. На индустриальной стадии этатистско-коллективистские тенденции встречаются с созвучным им технологическим укладом, и поэтому “прорывы” этих тенденций в область реальных форм организации жизни общества в 20 веке учащаются. В начале 21 века технологические детерминанты тоталитаризма качественно углубляются, и благодаря современным информационным и политическим технологиям распространяются на все

глобальное социальное пространство.

Это дает основания И.Р.Шафаревичу поставить вопрос: опыт государственного социализма в СССР и других странах - это конец или только начало какой-то новой эпохи? Анализируя возможные варианты ответа на него, И.Р.Шафаревич склоняется ко второму, пессимистическому для автора ответу. По его мнению, сегодня человечество переживает геологическую по своим масштабам и последствиям катастрофу, которая ознаменует конец “железного века”, утвердившего ценности индивидуализма, личной свободы и ответственности, и положит начало формам социальной организации, наиболее близким к государствам Древнего Востока [9, с.14].

Если глубокие кризисные явления глобального, общецивилизационного порядка не будут преодолены в рамках сегодняшней либерально-рыночной системы западного типа, то рациональный этатизм (как один из возможных ответов на исторический вызов человечеству) будет неуклонно усиливать свои позиции и как идеология, и как тенденция перерождения генетических оснований построения институциональной системы.

В целом, несмотря на многогранность понятия “социализм”, некоторые его черты и характеристики признаются практически всеми исследователями, вне зависимости от их политической ориентации. Во-первых, социализм есть коллективистская форма организации общественной жизни, противоположная ее индивидуалистским формам, прямо подчиняющая личные интересы общественным. Во-вторых, социализм базируется на осознанном рациональном контроле важнейших сторон жизнедеятельности людей, стремясь при этом максимально ограничить любые проявления стихийности и неподконтрольности. В-третьих, решающим инструментом правильной и справедливой организации человеческой жизни в социалистическом обществе выступает государство, познающее, организующее и контролирующее экономическую, политическую и социальную сферы. В силу этого для институциональной системы государственного социализма имманентно присуще нарушение баланса между государственными и негосударственными институтами. Это нарушение не означает полного огосударствления общественного организма, хотя такого рода утверждения иногда и встречаются в литературе. Как показывает семидесятилетний опыт советской истории, в обществе реального социализма претензии государства на абсолютное руководство и кон-

троль всегда наталкивались на границу суверенных и неподконтрольных процессов в негосударственных институтах.

В художественной литературе 20 века сложились два типа антиутопий, так или иначе отразившие представления об обществе, построенном на абсолютном государственном контроле - предельно пессимистические образы будущего (“сапог на лице человека”, говоря словами Дж.Оруэлла[7]) и более или менее очеловеченные (“смешные”) представления о грядущем коммунизме, где “человеческий материал” не смотря ни на что не желает превращаться в рациональную правильную конструкцию государственного здания всеобщего равенства, справедливости и счастья (“Москва 2042” В.Войновича [1]).

Конечно, трудно судить, кто из них окажется более прав в отдаленном будущем, поскольку наш век явил невиданные в истории образцы как тоталитаризма, так и краха таких систем, а современная наука дает все новые и новые возможности тотального контроля за личностью. В то же время позиция В.Войновича не только более оптимистична, но, на наш взгляд, более отвечает реальностям и тенденциям институциональной структуры государственного социализма.

Негосударственные институты в условиях реального социализма выражают историческую преемственность этой формы организации общественной жизни с предшествующими, более индивидуалистскими, и в то же время, хотя и неявно, “намекают” на возможность (или даже неизбежность) перерождения или катастрофы. Полное подавление этих институтов государством возможно лишь ценой уничтожения человеческого общества как такового, что и попытались сделать “красные кхмеры” в Кампучии в 70-е годы.

Стабилизирующая функция семьи, религии, патриотизма активно использовалась социалистическим государством всякий раз, когда оно сталкивалось с угрозой своему существованию. Достаточно вспомнить изменившееся отношение И.Сталина к религии и патриотизму в годы войны, или борьбу коммунистической партии за укрепление семейных устоев в первые годы перестройки в СССР. Использование более древних и более естественных исторических механизмов интеграции людей, чем неуклонное возрастание руководящей роли партии, позволяло избежать распада системы в критические моменты ее существования.

Однако такая зависимость от “пережитков прошлого” не могла не вызывать естественного

раздражения у социалистического государства. Хорошо понимая, что высокая интегративная эффективность этих пережитков вовсе не случайна и, с точки зрения перспектив построения коммунизма далеко не безобидна, государство вступило на путь замещения этих естественных институтов искусственно сконструированными социалистическими суррогатами.

Искусственность этих псевдоинституциональных образований состоит в прежде всего в практически полном отсутствии деятельной основы, которая бы порождала именно такую форму опредмечивания. Бездеятельный характер предпосылок не оставляет никаких альтернатив бюрократизации, бюрократического интереса как фундамента этих “социалистических по содержанию” институциональных форм.

Гипертрофированный бюрократизм советской жизни, помимо общих индустриальных основ, связанных с профессионализацией и специализацией управленческих функций, был обусловлен еще и тенденцией к насаждению социалистических псевдоинститутов. Родился целый слой “псевдофункционеров” – пионеры-жатые, разного рода массовики-затейники, воспитатели в рабочих общежитиях, профессиональные “герои труда”, рабочие-депутаты, которых готовили к их деятельности профессионально.

Стремление институционализировать фиктивную, “выдуманную” деятельность породило феномен иррациональной бюрократии (как антипод рациональной бюрократии Макса Вебера). Практически по всем позициям, по которым рациональная бюрократия является предпочтительной формой управления, социалистическая иррациональная бюрократия воплощает предельно неэффективную управленческую систему. В той степени, в какой иррациональная бюрократия имела полномочия вмешательства в реальную хозяйственную деятельность, принципы эффективности и целесообразности прямо подчинялись принципам идеологической чистоты. Вопиющая некомпетентность так называемых “идеологических работников” заставляла руководителей предприятий любыми способами уходить от конфликтов с ними, максимально соблюдая ритуалы “коммунистического благочестия”, чтобы сохранить необходимую свободу рук в своей реальной хозяйственной деятельности.

В то же время там, где деятельная основа является более или менее естественной и действительно необходимой, наблюдаются институциональные формы, достаточно близкие по

принципам своей организации к рациональной бюрократии и поэтому вполне эффективные. Чаще всего именно они и выступают в качестве консервативного стабилизирующего начала в условиях резкого снижения уровня упорядоченности и согласованности информационных, финансовых и материальных потоков. Не случайно, что новые демократические власти в государствах СНГ были вынуждены молчаливо согласиться с тихим возвращением части прежней номенклатуры практически в те же самые кресла.

Таким образом, переходная система живет и развивается по своим объективным законам, которые, с одной стороны, включают ее в единую структуру эволюционного процесса экономики, а, с другой, обуславливают специфичность данного состояния с точки зрения форм организации хозяйственной жизни. Ритмы институциональной трансформации переходного общества задаются сменяющимися друг друга четырьмя последовательными фазами: разрушительная (бесструктурная) фаза; деятельная фаза; фаза формализации и бюрократизации; фаза профессионализации новой деятельности и распространения вширь. Лишь когда большинство вновь формирующихся институтов прошли в основном все эти фазы, и система встала на более или менее однородное основание, излишняя бюрократическая “шелуха” отбрасывается, уступая место нормальным институциональным формам. После этого бюрократия начинает играть важную, но отнюдь не решающую роль.

Та часть правящей элиты в Советском Союзе, которую мы можем условно отнести к “рациональной бюрократии”, не могла не видеть внутренней ограниченности системы абсолютной государственной монополии на хозяйственную деятельность. Периодические попытки сверху хотя бы как-то привести в соответствие реалии современных технологий с принципами общественной собственности на средства производства свидетельствовали о возникновении определенных институциональных напряжений в системе, о выходе ее на пределы своих информационных и энергетических возможностей. Необходимо было срочно дополнять систему “новыми измерениями”. Однако предлагаемые меры по совершенствованию хозяйственного механизма систематически запаздывали и носили половинчатый характер.

Хозяйственные реформы в социалистических странах “уперлись в свободу”. Проблема свободы выбора для хозяйствующих субъектов - это, в конечном счете, проблема механизма их

адаптивности, гибкости и ответственности. С институциональной точки зрения экономическая свобода – это не результат личного выбора и личных усилий индивида, а нечто, данное ему “сверху”, как бремя, как нужда. Сложная институциональная природа экономической свободы особенно наглядно проявляет себя сегодня в условиях ее формирования в постсоциалистических странах Европы. Это не просто возможность выбора, это еще и достаточно трудная обязанность выбора, которую человеку далеко не всегда хочется выполнять.

Негативная сторона свободы как экономического института заключается в том, что она представляет из себя нечто, навязываемое индивиду извне, в виде суммы определенных, иногда достаточно сложных, правил, стереотипов и ограничений. Как более высокая форма социальной организации, экономическая свобода не только не может быть полностью “очищена” от предшествующих форм, но обязательно принимает на себя их функции, в частности, функцию принуждения. Вот почему она оказалась так тяжела по своему внутреннему содержанию, особенно на первых этапах перехода от директивной к свободной экономике.

К тому же и во внешнем плане свобода никогда не бывает абсолютной. Во-первых, она сталкивается с ограничительным воздействием множества других свобод, что предполагает определенную жесткость индивида, отстаивающего свой интерес. Во-вторых, она вынуждена подчиняться и прямым нормативным ограничениям, прежде всего, со стороны государства.

Глубокое понимание экономической свободы дал Я. Корнай в ряде своих работ, написанных на материале хозяйственных реформ в Венгрии и других социалистических странах. Он исходит из того, что “свобода – это многомерная категория” [3, с.407]. Для него возможны два подхода в анализе экономической свободы в ходе теоретического исследования: с точки зрения ее инструментальной ценности; с точки зрения ее генезиса и внутренней структуры. И тот, и другой аспекты могут быть исследованы в рамках институциональной трактовки объекта.

Я. Корнай различает негативную свободу как отсутствие внешних ограничений и позитивную свободу – когда расширяются средства для достижения целей, как расширение поля альтернатив. По его мнению, ограничения на свободу могут быть наблюдаемы. Их можно представить либо бинарным индикатором (на-

личие или отсутствие определенного ограничения), либо порядковой шкалой, показывающей строгость соответствующего ограничения. Главный источник ограничений свободы – государство.

Выводы. “Максимальное государство” – это не оруэлловский кошмар огосударствления всего и вся, а тот уровень концентрации власти, который является предельно возможным при данных технологиях сбора и обработки информации, каналах связи, организационных возможностях бюрократии, умении манипулировать массами, максимальными пределами допустимых репрессий. Если понимать ограничительную природу государства именно так, то становится ясным, что история в начале 21 века подготовила институциональную ловушку глобального масштаба, создав все технологические, информационные и организационные предпосылки для «постиндустриального тоталитаризма». Трансформация государственного социализма в смешанную социальную рыночную экономику является одновременно переходом к более сбалансированному институциональному построению социума и процессом актуализации дремлющих тоталитарных институциональных начал постиндустриальных систем.

Литература.

1. Войнович В. Москва 2042. – М., 1991.
2. Истягин Л. Неожиданный фашизм. // Мировая экономика и международные отношения. – 1993. – № 4. – С.98.
3. Корнаи Я. Личная свобода и реформы социалистической экономики.// Экономика и математические методы. – 1989. – Т. XXV. – Вып.3. – С. 407.
4. Ленин В.И. Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24-29 апреля 1917 г. Доклад о текущем моменте 24 апреля. – Полн.собр.соч. – Т.31. – С.279 -280.
5. Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. – Полн.собр.соч. – Т.34. – С.179-192.
6. Ленин В.И. Ответ на письмо специалиста. – Полн.собр.соч. – Т.38. – С.220.
7. Оруэлл Дж. 1984. М., 1990.
8. Турунцев Е. Переходное общество: от “реального социализма” к реальным социальным классам.// Вопросы экономики. – 1995. – № 9. – С.91
9. Шафаревич И.Р. Есть ли у России будущее? – М., Истоки, 1990.

Статья поступила в редакцию 16.01.2007

В.В. МОРТИКОВ, д.э.н., профессор,
Восточноукраинский национальный университет им.В.Даля, г.Луганск

ИГРЫ В ПРОЦЕССЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ВЫПОЛНЕНИЯ КОНТРАКТОВ.

Аналізу ігрових взаємодій укладається значительне уваження в сучасній літературі по економіці (1, 2, 3), що вповне закономірно. Гра, як елемент дослідницького інструментарію інституціональної теорії, дозволяє структурувати той чи іншої економічний процес, передбачити на цій основі подальше розвиток подій. Однак в існуючій літературі по теорії ігор дуже багато чистої математики і дуже мало загально-економічних підходів.

Це стосується і до ігор, виникаючих в процесі укладання і виконання різних родів економічних уголів³. Иссле-

дование игровых взаимодействий в этой области становится в настоящее время весьма актуальным на постсоветском пространстве благодаря необходимости модернизации учебного процесса в высшей школе, в частности, необходимости создания отечественных бизнес-программ, которые не были бы калькой с западных курсов менеджмента, а учитывали бы наши реалии. Модификация игровых ситуаций, описанных в западных учебниках по экономической теории, менеджменту, маркетингу, выявление игр, специфических для постсоветских государств представляется весьма полезной задачей как с теоретической, так и с практической точек зрения. Довольно важным прикладным аспектом изучения игр является обнаружение экономическим субъектом самого факта того, что с ним играют. Выяснив это, данный

³ Понятия «соглашение», «контракт», «договор», «договоренность» используются в статье как синонимы. Именно так они применяются в теории контрактов – одной из составляющих новой институциональной экономической теории.

© В.В. Мортиков, 2007